

ЧХЭ ЁНСИН

НОЧЬ
ПЯТИ ПСОВ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44
Ч-97

개 다섯 마리의 밤 (FIVE-DOG NIGHT)
by 채영신 (Chae Young-shin)

Печатается с разрешения EunHaeng NaMu Publishing Co., Ltd.
Russian edition published by arrangement with EunHaeng NaMu
Publishing Co., Ltd.

This books is published with the support of the Literature Translation
Institute of Korea (LTI Korea)



LITERATURE TRANSLATION
INSTITUTE OF KOREA

Чхэ Ёнсин.

Ч-97 Ночь пяти псов / Чхэ Ёнсин ; [перевод с корейского
Л. А. Михэеску]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. —
288 с. — (К-триллер).

ISBN 978-5-17-146459-2

В старом заброшенном доме найдены убитые школьники. В преступлении
сознается учитель тхэквондо. Но зачем он расправился со своими учениками и
какое отношение к случившемуся имеет Пак Семин, мальчик-альбинос, которого
травили убитые?

«Ночь пяти псов» — история человека, виновного уже в том, что он родился,
ведь в мире одинаковых людей каждый, кто отличается, становится изгоем.

Впервые на русском языке корейский психологический триллер, бестселлер,
победитель 7-й премии в области молодежной литературы «Хвансанболь». Роман,
который заставляет задуматься о кошмарах, скрывающихся за маской обыден-
ности, и показывает темную сторону общества, где царит вечная ночь пяти псов.

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

Copyright © 2021 by Chae Young-shin

All rights reserved.

Originally published in Korean by EunHaeng NaMu
Publishing Co., Ltd.

© Михэеску Л. А., перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство АСТ», издание на русском
языке, 2023

ISBN 978-5-17-146459-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. БИСКВИТНОЕ ПЕЧЕНЬЕ	5
Глава 2. СЯБУ-СЯБУ	31
Глава 3. ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ	65
Глава 4. СКОТНЫЙ ДВОР	90
Глава 5. СЦЕНАРИЙ	125
Глава 6. СЕАНС МАГИИ	150
Глава 7. ПЕТЛЯ	196
Глава 8. СПЕКТАКЛЬ	224
Глава 10. НАЖИВКА	255

ГЛАВА 1

БИСКВИТНОЕ ПЕЧЕНЬЕ

Следователь уложил манекен на землю. Беспокойная толпа, собравшаяся за лентой полицейского ограждения, разом стихла. Люди хотели видеть, как совершалось убийство, но мужчина в наручниках не двигался с места. Его взгляд был прикован к каменной ограде, по которой расплзались тыквенные плети вперемешку с вьюнком. Такие же побеги тыквы, перепутанные нитями хмеля, покрывали толстым слоем обвалившуюся с одной стороны крышу дома. Лианы дикого винограда плотно облепили стены, и только окна с разбитыми стеклами и вход с отсутствовавшей дверью не были скрыты занавесом из растений. Эти зиявшие черные провалы окон и двери казались гигантскими глазами и ртом, и Пак Хечжон подумала, что заброшенный дом похож на поверженное чудовище.

Манекен, изображавший ребенка, лежал у самой ограды. Двор давно зарос травой, и голубоглазая кукла с намертво приклеенной улыбкой покоилась на травяном одеяле. Из-за этого сцена напоминала пикник, хотя к груди манекена была прикреплена надпись: «Жертва». У Пак Хечжон мелькнула мысль, что мальчик мог точно так же улыбаться всего за минуту до гибели. Он оказался в этом доме, скрытом от людских глаз, вместе с обожаемым учителем тхэквондо, и наверняка испытывал бурный восторг от приключения, так что улыбка не сходила с лица.

— Как таких тварей только земля носит! — не выдержал стоявший рядом с ней старик. Его трясло от негодования.

Следователь взглянул на наручные часы и коснулся плеча мужчины, поторапливая начать. Тот наконец перестал смотреть в одну точку, покорно опустился на манекен и руками, которые были не только скованы наручниками, но и связаны веревкой, взялся за шею куклы. Фотографы, заранее забравшиеся на стремянки, приступили к работе, засверкали вспышки.

Толпа всколыхнулась, с разных сторон раздались крики:

- Убийца!
- Сдохни!
- Покажи лицо!

Одни бранились, другие плакали. Мужчина поднял голову и медленно осмотрелся вокруг. Его руки по-прежнему сжимали пластиковое горло манекена. Было невозможно понять, о чем мужчина думает, — лицо скрывали маска и низко надвинутая бейсболка, — но когда он повернул голову, Пак Хечжон показалось, словно она услышала его мысли: «Что все это значит?.. Что я здесь делаю?..» Утреннее солнце, пробиваясь сквозь пышную листву, рисовало пятнистый узор прямо на участниках действия.

Следователь заставил мужчину подняться. Полиция получила все, что хотела. Члены семьи не присутствовали на следственном эксперименте, и потому обошлось без драмы. На лицах в толпе, пристально следившей за происходящим, читалось разочарование. Люди переговаривались, сообщая друг другу, что следующим местом будет один из лесистых холмов в Пхочхоне, где преступник закапывал трупы детей. Когда мужчина направился к полицейскому фургону, толпа хлынула ему наперерез. Ринулись в атаку и вооруженные микрофонами журналисты, началась неразбериха. Пак Хечжон застыла, обозревая громогласный переполох с беспристрастностью камеры.

Небо внезапно почернело, подул сильный ветер. Воздушный поток подхватил старые газетные листы, брошенные возле дома, и перенес прямо к ногам. Пак Хечжон присела на корточки, чтобы рассмотреть пожелтевшие

страницы. Разобрать дату мешали грязь и поблекшая типографская краска; Пак Хечжон подумала, что газете не меньше двух лет. Она пробежала глазами по заголовкам статей, набранным жирным шрифтом. Какого-то мужчину зарезали прямо на дороге без видимой причины, кого-то посадили в тюрьму по ложному обвинению.

— Ничего не меняется, — пробормотала она.

Собственный голос показался ей незнакомым. Ощущение чужеродности было каким-то образом связано со временем. Как если бы человек из прошлого услышал голос из будущего и пытался осмыслить это в настоящем. Как если бы произошло сводящее с ума, непостижимое временное смешение.

Все еще сидя на корточках, она оглянулась. Продолжавшая бесноваться толпа выглядела почти сюрреалистично. Пак Хечжон поднялась. Разминая затекшие ноги, она заметила под одним из тыквенных листов яркий налитой плод. Он висел прямо у ворот ограды, дотянуться было проще простого. У Пак Хечжон быстро забилось сердце. Гладкий оранжевый шар казался единственной реальной вещью из всех, что ее сейчас окружали. Она приблизилась к воротам и потянулась за тыквой.

— Что вы делаете?

Пак Хечжон обернулась на голос. На нее уставыми глазами смотрел детектив. Безмолвно она указала пальцем на тыкву. Прямо на кончик пальца упала первая капля дождя.

* * *

Дождь не прекращался. Начавшийся сразу после следственного эксперимента, он все усиливался и с наступлением темноты полил как из ведра.

Пак Хечжон перевернула скумбрию на сковородке. Из радио над раковиной лилась медленная лиричная композиция, телевизор в гостиной передавал новости, телевизор в спальне, настроенный на канал телемагазина, рекламировал спортивные тренажеры. Эстрадный певец, диктор новостей и продавец телемагазина словно соревновались в том, у кого голос громче. Гвалт заглушил бы даже звон телефона, но лицо Пак Хечжон было безмятежно, как у человека, наслаждающегося тишиной.

Накрыв стол на двоих, она зашла в комнату сына. Семин спал за столом, сжимая в руке карандаш. Школьные каникулы еще не закончились, но он занимался на дополнительных курсах. Пак Хечжон взяла раскрытую тетрадь. Похоже, сын готовился к дискуссии о том, стоит ли фокуснику делиться секретами сценической магии. Семин писал, что стоит. *«Когда человеку одиноко, магия может заменить друга»*. Выведенные карандашом слова пронзили ее в самое сердце. Ошибка в слове «одиноко», которой она ни у кого раньше не видела, казалось, подчеркивала одиночество сына.

Ей вспомнилось, как однажды он рассказал историю, вычитанную в книге:

— Мам, представляешь, когда Монтесума II создал первый в мире зоопарк, там держали не только животных, но и людей.

Спросив, какие именно люди попадали в зоопарк, она услышала в ответ, что такие же, как он, — альбиносы.

Она положила тетрадь на место и тронула сына за плечо. Семин слегка вздрогнул и открыл глаза. Она увидела свое отражение в красных зрачках.

— Идем ужинать.

Все еще полусонный, Семин побрел на кухню. Пак Хечжон села рядом с сыном. За прямоугольным столом, пододвинутым к стене, они сидели не друг напротив друга, а бок о бок. После того как Пак Хечжон сделала перестановку на кухне и поставила стол к стене, Семин заявил, что чувствует себя, словно в поезде. По его лицу нельзя было понять, нравится ему это или нет.

Пак Хечжон подцепила палочками кусочек рыбы и положила поверх риса в его ложке. Едва начав жевать, Семин нахмурился.

— Что случилось? Попалась кость?

Он покачал головой. Пак Хечжон тоже попробовала рыбу и поняла, что забыла ее посолить. Несоленая скумбрия была безвкусной и слишком жирной. Почему она вечно все забывает? Вчера Семин ушел на занятия, даже не позавтракав, — она сварила суп, но не приготовила рис. Пак Хечжон насыпала на край тарелки немного соли.

— Интересно, а скумбрия может быть альбиносом? — с деланным безразличием спросил Семин. — Ребята говорили, что бывают дельфины-альбиносы и львы-альбиносы тоже. Наверное, и скумбрия?..

Игнорируя настороженный взгляд матери, Семин впился палочками для еды в рыбу тушку.

— Никогда не слышала об альбиносах среди дельфинов и львов.

— А знаешь, почему? Из-за белого цвета животные слишком заметны врагам. Поэтому погибают очень рано, и мало кто успевает о них узнать. Это мне тоже ребята сказали.

— По-моему, ерунда. Хорошо, враги могут быть у кошки или даже дельфина, но кто осмелится быть врагом льва?

— Другие львы. Альбинос становится изгоем среди сородичей и должен умереть.

Семин отвечал ровным голосом, но она заметила, как дрогнула рука, сжимавшая палочки. Кровь отлила от ее лица. Пак Хечжон вспомнила историю из старой газеты у заброшенного дома. Тот человек, который воткнул нож в случайного прохожего, не имея на то ни малейшей причины... Действительно ли у него не было никакого мотива? Она хорошо помнила жестокие лица одноклассников Семина, тех мальчиков и девочек, что окружали ее сына и травили его, выдумывая гадкие шуточки об альбиносах. Из-за того, что дети были все-

го лишь детьми и не могли знать, что некоторые раны с годами не заживают, а становятся только глубже, их слова и поступки злее и бессердечнее, чем слова и поступки взрослых. Ее рука сжалась в кулак.

По-прежнему спокойно Семин продолжал:

— А еще бывают растения-альбиносы. У них не работает процесс фотосинтеза, и они тоже быстро умирают.

— Кто, ну кто тебе все это рассказывает?!

— Подожди, — Семин вдруг вскочил со стула и указал на телевизор в гостиной.

Она обернулась. Показывали сюжет об утреннем следственном эксперименте. Сначала на экране появился мужчина, нависший над манекеном, а затем — толпа, блокирующая подступ к полицейскому фургону. Заброшенный дом выглядел отнюдь не мрачным и угрюмым, а всего лишь пустынным и тихим. Журналист, ведущий репортаж, сообщил, что за последний месяц были убиты два мальчика, жившие в многоэтажках. Ее зазнобило, и она обняла себя за плечи.

— Мам, ты знаешь, почему мастер Квон это сделал? — спросил Семин, снова усевшись на стул и перемешивая рис палочками.

Человека, который убил детей, звали мастер Квон. Он преподавал тхэквондо и пользовался большой популярностью у мальчишек.

— А я знаю. Если бы меня спросили... — Семин пристально взглянул на мать.

Пак Хечжон хлопнула его по спине:

— Хватит. Тебе всего одиннадцать, что ты можешь знать.

Семин положил палочки и поднялся. Опершись на стул, он молча смотрел на мать. Опустошенный взгляд не был взглядом ребенка. Ей не стоило этого говорить. И школа, и улица были для него не лучше зоопарка Монтесумы, и его жизнь никак нельзя было назвать жизнью обычного одиннадцатилетнего мальчика. Она страдальчески поморщилась. Говорить такое имела бы право мать, у которой рос здоровый одиннадцатилетний ребенок, не знающий ни издевательств, ни всего остального, чего большинство детей не переживают в его возрасте.

В глазах Семина вспыхнул насмешливый огонек.

— Иди делай домашнее задание.

Он неторопливо направился в свою комнату. Пак Хечжон осталась прибираться на кухне. Ставя посуду в раковину и вытирая стол, она вспоминала, как несколько дней назад предложила переехать в другое место.

Семин часто задышал и уставился на нее:

— Опять? Я не собираюсь сбегать и из этой школы.

Для Семина не существовало преград. Он не только не испытывал замешательства, когда его откровенно разглядывали, но и прямо отвечал на любопытные взгляды, так что люди первыми отводили глаза. Если

не считать спорта, он стремился быть лучшим во всех предметах, будь то математика, письмо или рисование. Но от людей с внешностью Семина общество ожидает только одного: чтобы те оставались незаметными. В противном случае общество готово применить силу.

Пак Хечжон безвольно опустилась на стул. Сколько бы она ни думала, никакого другого выхода, кроме эмиграции, не находила. В Америке или во Франции белые брови и необычные глаза Семина не привлекали бы столько внимания. Но сын отказывался обсуждать даже перевод в другую школу, а уж эмиграцию и подавно. Если бы она отважилась на переезд за границу, когда он был совсем маленьким и еще не мог ей возражать! Пак Хечжон с силой скрутила кухонное полотенце, которое держала в руках.

Поднявшись со стула, она пошла в комнату сына. Семин в наушниках лежал на кровати, вытянувшись во весь рост. Он не стал притворяться, что спит. Ей было любопытно, что за музыку он слушает, и она прилегла рядом, вынула один наушник из его уха и прижала к своему. Из наушника не донеслось ни звука. Она встала его плотнее. По-прежнему тишина. Семин рассмеялся и показал ей язык. Она рассмеялась вслед за ним.

— Как ты думаешь, кем мне стать, когда вырасту? — повернувшись к ней, спросил Семин.

Она потрепала его по щеке:

— Ты же хотел стать политиком?

— Теперь уже не хочу. Лучше магом.

— Магом?

— Да. Как Дэвид Копперфилд. Ты ведь о нем знаешь? Он известен во всем мире.

— Кажется, видела когда-то по телевизору.

— Что значит: «кажется»? Ты либо видела, либо нет.

— Просто это было так давно...

— Все равно не говори так. Иначе люди будут думать, что ты глупая. Поняла?

Едва сдерживая смех, она смотрела на сына.

— Поняла? — с нажимом повторил он.

— Да-да, *кажется*, поняла.

— Ты нарочно!

Пак Хечжон тихонько ткнула пальцем ему в бок. От щекотки Семин свернулся в комок и захихикал. Смех сына словно проник в ее тело, разбудил задремавшие силы, наполнил любовью и радостью.

— Но знаешь... — отсмеявшись, взглянул на нее Семин.

Его глазные яблоки вдруг непроизвольно задвигались, и он тут же закрыл лицо руками, не желая, чтобы она видела его в этот момент. Заболевание, часто встречающееся у альбиносов, не обошло стороной и Семину. Повлиять на нистагм было невозможно, оставалось лишь ждать.

Почувствовав, что глаза снова в порядке, Семин вернулся к прерванной мысли: